

В ПРИМЕРНОЙ было пусто и темно. Первая сме- на еще не начала свой рабочий день. А день этот должен был начать актер Ивар Калныньш. Ему предстояло «постареть» лет на десять, так надо было для роли, на которую он пробовался в фильме Р. Нахапетова «Идущий следом».

Тихонько пришли гримеры и, облавившись в белые халаты, начали раскладывать перед зеркалом свои хитрые принадлежности.

— Мне вчера принесли из цеха такие замечательные усы, сегодня обязательно их «попробую». — Вчера отдали парик покрасить, и вот он — как воронье крыло, хоть плачь. — Ну уж! Еще успеете осветлить, — переговаривались гримеры... А стрелка часов тем временем двигалась к назначенному часу.

Калныньш вошел точно в срок, поздоровался, спросил, куда сесть, и, устроившись в кресле поудобнее, стал ждать. Как распорядятся гримеры с его лицом, вернее, с его возрастом.

— Ивар, а предстоящая работа у Нахапетова — это ваша первая возрастная роль?

— И да, и нет. В театре я играл людей старше себя, а вот в кино предстоит, кажется, впервые. Но ведь это еще только пробы, может быть, Нахапетову я «не покажусь», и тогда все это так и останется пробой. Но тем не менее — узнать, как будете выглядеть через десять лет, — любопытно.

— В прошлом году вы снялись в трех картинах, а если учесть, что вы еще играете в театре, год ваш был насыщенный. Он вас не утомил?

— Будем считать, что я снялся в двух с половиной картинах, потому что над третьей работа продолжается. Это телесериал В. Фокина «ТАСС уполномочен заявить». Я там уже отснялся, и моя роль «закончена» но

в целом этот большой фильм еще не завершен. Мои основные партнерами там были Ю. Соломин и А. Петренко, а вообще в этой картине снимаются замечательные актеры. Было очень интересно работать с Фокиным, он профессиональный режиссер, требовательный и точный. В сравнении с Г. Юнгвальд-Хилькевичем он кажется даже жестким.

— Но ведь они и режиссе-

ХОЧУ

ры — разные, и жанры их картин тоже непохожие.

— Конечно, об этом и речи! К цели они идут разными путями, но и цели различные. К тому же у Фокина я был офицером госбезопасности, а в картине Г. Юнгвальд-Хилькевича «Двое под одним зонтом» — циркачом. Роман Ю. Семенова «ТАСС уполномочен заявить» все хорошо знают, и о жанре можно не говорить, а «Двое под одним зонтом» — весьма полифоничное произведение. Там много элементов условности, есть даже некоторая ирреальность, и потом это еще и музыкальный фильм.

Я в первый раз играл артиста цирка, мне надо было научиться хотя бы азам профессии. В частности, я весьма unsuccessfully освоил жонглирование булавами, и то только тремя. Правда, это в характере моего героя — Дана Шереметьева. Он неумеха, но с амбицией. Эдакий несостоявшийся человек. Еще одна деталь: впервые в моей актерской биографии стояла задача не влюбляться. И я старался с ней справиться, как мог. Хорошо, что хоть в конце картины Дан вроде бы влюбляется, точнее, понимает, что он — влюблен. И тогда рушится его прежний на-

думанный и неустроенный мир.

Жанр этого фильма — апрельская сказка. И в этой сказке он встречается с женщиной, встречается на один миг, просто на остановке. В этот миг укладывается весь

У ЗЕРКАЛА

фильм, вся его жизнь, дела, проблемы и фантазии.

— Здесь вашим партнером был Иннокентий Смоктуновский?

— И моим учителем. Я не буду раскрывать всех сюжетных ходов картины, тем более что она скоро появится на экране. Могу только сказать, что встреча со Смоктуновским — подарок судьбы. Иннокентий Михайлович — остроумнейший человек, капризный и требовательный к себе и ко всему миру, настроение его зыбко, именно таким он и предстанет в картине «Двое под одним зонтом».

— А после этой роли вам не захотелось остаться артистом цирка?

— Дело в том, что до съемок я был всего один раз в цирке: и то лет 25 назад. Из этого ясно, что цирк меня даже как зрителя не манил. Но когда началась работа в фильме и я познакомился с жизнью цирка ближе, побывал за кулисами, понял, что не прав. Такое добросовестное отношение к своему делу, такая преданность и любовь встречаются не часто.

Это вызывает невольное преклонение пред этими людьми. Но я бы работать в цирке не мог. Номер делается год (если не 2 или 3 года), подготовка требует неимоверного напряжения и самоотдачи, а потом 5—10 лет этот номер повторяется. У меня бы так не получилось. Да и сама их жизнь очень трудна — ведь они месяцами не бывают дома, переезжая из города в город. Путешествуют все вместе — дети, родители, звери... Это не слад-

слез лучшее спасение — смех.

ПОКА мы разговаривали, гримеры успели состарить Калныньша. В кресле сидел подтянутый, немолодой человек с усталым лицом. Даже глаза постарели — смотрели мудро и спокойно. Гримеры тем временем решали вопрос: делать седыми виски или нет, или лучше покрасить все волосы. Сошлись на том, что пока надо попробовать с париком. В это время в гримерную вошли Р. Нахапетов, режиссер будущей картины, и П. Лебешев, оператор, которому предстояло эту картину снять.

Нахапетов сделал круг, разглядывая Калныньша, и вопросительно предложил: «Мо-

СПРОСИТЬ

кий хлеб, надо очень любить цирк, чтобы забывать обо всех неурядицах.

— К вашим кинопрофессиям добавилась еще одна — журналиста. Она вам понравилась?

— Профессия понравилась, но я не хотел бы быть таким журналистом, как мой герой из фильма «Тайна виллы «Грета» режиссера Т. Лисициана. Он слишком зависимый человек. Занимаясь уголовной хроникой, он без особого желания соглашается на переход в отдел политических новостей. И в общем чисто случайно оказывается втянутым в сложные политические махинации. Процесс его внутреннего мужания происходит довольно медленно. Он, я думаю, не сильная личность.

— А вам интереснее играть сильную личность?

— Я предпочитаю играть все. Когда много шуток, хочется сыграть трагедию. А от

жет быть, прядку сделать светлой?» — «Пусть покрасят или причешут по-другому», — Калныньш явно хотел эксперимента. «Ни в коем случае», — Лебешев отложил свою сигарету и ринулся к зеркалу. — Он очень темный, вы его покрасите, и на пленке он будет красный. Вот вчера показывали «Рабу любви», так там Нахапетов красный и только потому, что красили». — «Ну, да, ничего я там не красный», — усомнился Нахапетов. — «Красный, красный. И давайте лучше Калныньша не будем красить, а «посветлим» кого-нибудь еще», — настаивал Лебешев. — «Как хотите, — согласился Ивар. — Я — «крыса», это мой год, пусть я уж буду таким, как есть».

На этом порешили. Предварительно.

М. ИГУМНОВА.